

Аркадий Францевич Кошко
Анна Эспарса
Дмитрий де Кошко
Тайны и герои Века
Серия «Архивы Парижа»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43116970

*Тайны и герои Века:
ISBN 978-5-386-10617-1*

Аннотация

Издательство «РИПОЛ классик» представляет серию мемуаров «Ad Fontes: тайны и герои Века». Серия выходит под редакцией историка Анны Эспарса. Задача серии представить ранее не изданные архивные материалы семей русской эмиграции первой волны, сопроводив их документальными информационными справками. Концептуальное отличие книжной серии «Ad Fontes: тайны и герои Века» от других книжных серий в том, что документы личного происхождения охватывают всё XX столетие и принадлежат представителям нескольких поколений одной семьи. Первая книга серии составлена из воспоминаний, дневниковых записей, писем, рассказов представителей четырех поколений семьи Кошко (от воспоминаний главы уголовного сыска Российской империи Аркадия Францевича Кошко до дневниковых записей

французского журналиста Дмитрия де Кошко). Данные архивные материалы прежде не издавались. Книга является уникальным документом эпохи, рассказывающим «от первого лица» о главных событиях XX века.

Содержание

Предисловие	6
История семьи Кошко	6
Документальная справка	8
Мемуары Аркадия Францевича Кошко	10
Последнее слово по «делу Бейлиса»[1]	10
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Тайны и герои Века

© Дмитрий де Кошко, 2017

© Издание, оформление. ООО Группа Компаний «РИ-ПОЛ классик», 2018

Предисловие

История семьи Кошко в отражении XX века

Человек XX века свой жизненный опыт приобретал главным образом в условиях катастроф: Русско-японская война, Русская революция 1905 года, Первая мировая война, Революция 1917 года, Гражданская война... И это только первые десятилетия наступившего XX века, о котором в 1900 году пророчествовал поэт Владимир Соловьев: «И мглою бед неотразимых грядущий день заволокло».

В книге представлена история семьи сквозь XX столетие: Аркадий Францевич Кошко (глава уголовного сыска Российской империи, получивший имя русского Шерлока Холмса) представляет расследование по самому резонансному судебному процессу начала XX века – «делу Бейлиса»; его брат Иван Францевич

Кошко (сподвижник Петра Аркадьевича Столыпина) делится воспоминаниями о Григории Распутине; Ольга Ивановна Кошко рассказывает о революционных кружках Петербурга, работе дворянок сестрами милосердия в солдатских корпусах во время Первой мировой войны, ужасах

большевизма и революции 1917 года; известный французский журналист и общественный деятель (правнук Ивана Францевича и Аркадия Францевича) Дмитрий де Кошко описывает жизнь «Русского Парижа», свои встречи с Ираклием Церетели, Петром Ковалевским, Иоанном Шанхайским и Сан-Францисским, Елизаветой Порецкой (вдовой Игнатия Рейсса). Складывается картина XX столетия «от первого лица» – звучит только прямая речь современников событий.

За время рассказа мир стал другим, словно Атлантида, ушла трехсотлетняя империя, сменилась цивилизация, но осталась Семья, история которой навсегда связана с главными событиями, тайнами и героями Века.

Анна Эспарса

Документальная справка

Аркадий Францевич Кошко

Родился в 1867 году в деревне Брожка Бобруйского уезда Минской губернии в богатой семье потомственных дворян. Окончил Казанское пехотное юнкерское училище, получил назначение в полк, расквартированный в Симбирске.

В 1894 году подал в отставку и поступил инспектором в Рижскую полицию. В 1900 году, благодаря высокой раскрываемости преступлений и незаурядному таланту детектива-криминалиста, назначен начальником Рижской сыскной полиции, а в 1908 году стал главой Московской сыскной полиции.

Аркадий Францевич Кошко разработал уникальную систему идентификации личности преступника, основанную на дактилоскопических и антропометрических данных. В 1913 году в Швейцарии на Международном съезде криминалистов русская сыскная полиция, возглавляемая Аркадием Францевичем Кошко, была признана лучшей в мире.

В 1917 году Аркадий Францевич вышел в отставку, не желая служить Временному правительству, и уехал в имение Подольно в Новгородской губернии, но вскоре собственность национализировали, а прежние хозяева были вынуждены уехать в Москву, откуда также пришлось бежать, опа-

саясь ареста большевиками. В течение нескольких месяцев Аркадий Францевич возглавлял крымскую полицию генерала Врангеля. В Константинополе открыл свое частное детективное бюро, которое успешно работало около трех лет, пока к власти не пришел Мустафа Кемаль, желавший выслать всех российских эмигрантов в Советский Союз. Аркадий Францевич с семьей получил политическое убежище во Франции. В Париже в период с 1926 по 1929 год вышли три тома воспоминаний Аркадия Францевича Кошко, которые были с восторгом приняты читателями.

Аркадий Францевич Кошко умер в Париже в 1928 году.

Мемуары Аркадия Францевича Кошко

Последнее слово по «делу Бейлиса»¹

Редко кто из людей нашего поколения не слыхивал имени обвиняемого Бейлиса и предполагаемой жертвы его – Андрея Ющинского. Отзвуки этого громкого процесса отдались по всем уголкам земного шара, вызвав величайшую тревогу, гнев, спор и разброд умов. Оно и неудивительно, так как в процессе этом столкнулось два противоположных течения человеческой мысли, одинаково жгучие, одинаково страстные, одинаково ненавидящие друг друга. Так называемый еврейский вопрос являлся в России, да и, пожалуй, в целом мире, вопросом, вечно возбуждающим острые споры среди народов. Красной нитью в истории еврейства проходит борьба этого племени за равное с другими людьми право существования.

Не считая себя достаточно сведущим в истории еврейства, я не буду пытаться восстанавливать в памяти читателей эта-

¹ О причинах участия в документальном расследовании «дела Бейлиса» Аркадия Францевича Кошко читайте в главе «Послесловие» (интервью с Дмитрием де Кошко).

пы того тернистого пути, по которому вот уже не одно тысячелетие шествует еврейство, да и подобная попытка завела бы меня слишком далеко от прямой цели, поставленной мною себе в этом очерке, но вместе с тем, стремясь возможно полнее и нелицеприятнее передать «дело Бейлиса», с которым мне лично пришлось всесторонне ознакомиться и изучить, я, для большей точности, вынужден, хотя бы несколькими словами, коснуться той эпохи, того жизненного и государственного уклада, на фоне которых оно возникло.

Еврейский вопрос в России, не имея за собой многовековой давности, строго говоря, проявился в конце XIX столетия и особенно расцвел в XX столетии. Впрочем, иначе быть не могло, так как к моменту возникновения «дела Бейлиса» и сам-то русский народ насчитывал едва лишь пятьдесят лет свободного, раскрепощенного состояния. Итак, с XX примерно века началась упорная борьба еврейства в России, домогавшегося прав, равных с прочими народностями Империи. Не буду перечислять подробно все существовавшие ограничения для еврейства – они общеизвестны, но интересно, однако, выяснить, хотя бы приблизительно, только те соображения, которыми руководствовалось тогда законодательство, применяя к евреям те или другие стеснительные меры. Существовало довольно распространенное убеждение, что еврейский народ, будучи по природе своей умным, хитрым, настойчивым и пылким, является опасным конкурентом для коренного русского населения, а посему

казалось, что здравый смысл подсказывает всячески ограничивать его энергию и пыл, ставя на пути его победоносного шествия необходимые преграды, ослабляя этим самым его чрезмерное преуспевание и ущерб остальному населению государства. Отсюда черта оседлости, процентные ограничения в учебных заведениях, ограничение в приобретении земельной собственности, в правах передвижения и т. д. Не говоря уже о том, что подобного рода опека коренного населения от еврейства бесконечно унижала сам русский народ, ставя его, как мне кажется, совершенно неосновательно на какую-то низшую перед еврейством ступень, но и попытка эта не достигала и, конечно, не могла достигнуть преследуемую цель. Нельзя рядом запретительных мер перегородить целый народ, лишить его росчерком пера органических свойств, а может быть, и преимуществ, неизменно ему присущих.

Всякий, живший в России, знает прекрасно, какой фикцией являлась пресловутая черта еврейской оседлости – это наиболее существенное из существовавших ограничений. Черта эта являлась преградой для нищих забитых евреев Западного края, то есть как раз для тех элементов еврейства, каковые и с точки зрения власти не могли представить из себя никакой социальной опасности; все же энергичное, жизнеспособное, предприимчивое (а следовательно, и опасное) без труда шагало через роковую черту, приобретая права повсеместного жительства с помощью зубоврачебных ди-

пломов, торговых свидетельств, аптекарских патентов и прибегая в нередких случаях даже к фиктивным документам. Существовала черта оседлости, но, например, промышленность, торговля, банковское дело в обеих столицах в значительной части своей находились в руках евреев. Не достигая цели, ограничения эти вместе с тем будили в еврействе жгучую обиду, с одной стороны, и стремление видоизменить существующий порядок вещей – с другой. Этот нравственный карантин, установленный для спасения русских людей от еврейского засилья, глубоко возмущал еврейство, и стремление к равноправию с каждым годом принимало все более и более реальные формы. Еврейство ждало первого удобного случая, чтобы осуществить эту заветную мечту.

Неудачная Японская война, денежные затруднения, с ней связанные, всеобщее недовольство и разочарование, порожденные всем этим, показали некоторым еврейским кругам моментом подходящим, и они, со свойственной им страстностью, приняли участие в борьбе и отдались оппозиционной и революционной работе 1905 и 1906 годов.

Было бы неосновательно в политической работе евреев видеть чуть ли не единственную причину вспыхнувшей революции.

Революции не создаются по желанию тех или иных недовольных групп, как бы многочисленны и субсидированны они ни были. Не подлежит сомнению, что местные бунты, эпизодические волнения, отдельные выступления и беспо-

рядки могут разрастись в революцию лишь при неременном условии широкой популярности цели, во имя которой поднято знамя борьбы. Как бы талантливы агитаторы ни были, какими бы средствами они ни располагали, их затея окажется мертворожденной, если проповедуемые ими доктрины не войдут в плоть и кровь пропагандируемых ими масс. Если бы кто-нибудь в наши дни принялся бы вербовать сторонников, проповедуя идею рабовладения, то с уверенностью можно сказать: проповедь такого безумца успеха не имела бы и уж, конечно, не вылилась бы в формы революции. Таким образом, активная деятельность евреев в революцию 1905 года сыграла лишь роль некоторого компресса, заставившего назреть то, что неизменно назрело бы на пятнадцать — двадцать лет позднее.

Примерно с 1905 г. к взглядам правительства на еврейство как на экономическую опасность, способную подорвать в корне все добрые всходы народного хозяйства, присоединяется мнение, что помимо опасности экономической еврейство несет с собою и опасность чисто политическую. Еврейство, по мысли правительства, является врагом существующего строя, а потому борьба с ним необходима. И мы видим, что если до революции 1905 г. правительство ограничивалось в борьбе с еврейством лишь мерами, так сказать, охранительного порядка, то с этого времени часть влиятельных кругов принимает на себя более активную роль и производит известное давление на общество, стремясь развить

в нем юдофобские воззрения.

Результатом такой деятельности явилось образование ряда групп, крайне юдофобски настроенных, в рядах коих находили приют погромщики чистой воды. Часто эти группы находили могущественную поддержку даже и в высших учреждениях страны. Можно полагать, что если еврейские погромы девятисотых годов приняли кровавый характер, отличавший их от чисто хулиганских погромов прошлого столетия, то немалая вина в этом падает на вышеназванные кружки и организации.

Теперь интересно выяснить, каково было настроение в еврейском вопросе широких общественных масс. Я с возможной осторожностью подхожу к этому вопросу, стараясь отрешиться от всяких личных симпатий, и по мере сил моих я буду говорить объективно. Как ни сложна эта картина, как ни многочисленны и разнообразны ее красочные оттенки, но мой жизненный опыт, вернее говоря, своеобразные условия моей служебной деятельности дают мне смелость надеяться передать ее правдиво и достаточно точно. Не следует забывать, что за двадцать пять лет перед моими глазами прошли тысячи людей разнообразнейших общественных положений, различнейших мирозерцаний и далеко не одинакового умеренного уровня. В кабинете моем раскрывались тайники душ. Часто под влиянием отчаяния люди, меня посещавшие, не скрывали и самых откровенных дум своих. И на этом опытном поле, и из этих откровенных бесед я имел,

конечно, возможность судить о всесторонних настроениях, мыслях и чаяниях русских людей.

Крестьянство, то есть 80 % всего населения России, было равнодушно к еврейскому вопросу. Не питая злобы, оно полудобродушно-полуиронически относилось к евреям. Стоит вспомнить, что ни одно народное гулянье, ни одна открытая сцена не обходились без рассказчика еврейских анекдотов, неизменно вызывавших добродушный смех у непримотливой толпы. Ну, а где смех, там нет места злобе и ненависти.

Наш интеллигентный пролетариат, выросший под влиянием социалистических идей, наводнивших наши школы особенно за последние десятилетия, был всецело на стороне евреев, дружно добиваясь для них равноправия и борясь вместе с ними за расширение и воссоздание новых свобод. Представители свободных профессий, либеральствующее купечество, промышленники, финансовые дельцы – словом, все те, кто не зависел от государственной службы, все те, кто составлял оппозицию правительству, все те, кто требовал коренных реформ в существующем строе, имели непременно в своих политических программах равноправие еврейства.

К противоположному антиеврейскому лагерю принадлежало большинство чиновничества, часть офицерской среды и немало людей различных общественных положений, консервативно мыслящих.

Вот беглое описание настроения общественных умов к

моменту возникновения «дела Бейлиса». Следовательно, если отбросить крестьянскую массу, безразличную к еврейскому вопросу, то всю остальную часть русского общества можно поделить примерно поровну на два враждующих и глубоко различно относящихся к еврейству лагеря. Доказательством того, что общество было поделено на два враждебных, инакомыслящих лагеря, является тот неслыханный шум, что был поднят вокруг «дела Бейлиса».

Слух о том, что убийство Андрея Ющинского есть убийство ритуального характера, совершенное евреями, мгновенно всколыхнул обе борющиеся стороны. Но почему? Что в этом слухе нового? Тот, кто жила в Западном крае, знает прекрасно об издавна существующем столь уродливом поверье.

Почему же теперь слух об убийстве евреями Ющинского стал вдруг столь одиозным? Отчего нравственное чувство людей, терпящих в своей среде секту скопцов, например, смотрящих сквозь пальцы на широко практикуемые аборты, было столь глубоко возмущено этим отвратительным, но единичным случаем? Не подлежит сомнению, что киевское убийство явилось удобным предлогом для дачи сражения, нужда в нем давно уже ощущалась обеими борющимися сторонами. И в самом деле, выявившись в этом процессе наличие ритуала, некоторые правящие элементы имели бы довольно существенное доказательство, оправдывающее суровую политику по отношению к евреям. С другой стороны, окажись

предположение их вздором, какая тогда благодарная почва для обвинений всего правительства в предвзятости, в провокации, в беспричинной ненависти и травли еврейского народа.

К генеральному сражению обе стороны мобилизовали свои лучшие силы: магистратура, прокуратура, адвокатура и экспертиза были представлены наиболее талантливыми людьми России. Мировую прессу на этом процессе обслуживали сотни корреспондентов.

Но при каких условиях протекал этот громкий процесс? Вот тот вопрос, что интересует многих и поныне. Я на него, как привлеченный по роду моей службы и подробно ознакомленный с этим делом, постараюсь правдиво ответить.

* * *

В 20-х числах марта 1911 г. в хронике газет появилось известие о жестоком преступлении, обнаруженном в Киеве: на окраинах города было найдено мертвое тело мальчика лет четырнадцати, зверски убитого, причем немедленно же было выяснено имя жертвы. Убитый оказался Андреем Ющинским. Я не обратил особого внимания на это происшествие, так как подобных ему происходило ежедневно немало на всей необъятной площади России. Однако вскоре я был удивлен тем нарастающим шумом, что был поднят прессой вокруг этого, казалось бы, заурядного убийства. Из Киева

поползли тревожные слухи, поднятые местными не то монархическими организациями, не то отдельными монархистами, не то просто погромными элементами о том, что Андрей Ющинский стал жертвою евреев, убивших его с ритуальной целью. Эти слухи чрезвычайно встревожили местное еврейство, результатом чего поднялась отчаянная полемика между газетами правого и левого направления. Так, в «Новом времени», например, известный публицист Меньшиков в № 13469 (1913 г.) разразился обширным фельетоном, громя кровавый культ евреев. Не прошло и месяца, как киевское убийство возросло до размеров всероссийской сенсации.

Состоя в ту пору в должности начальника Московской сыскальной полиции и приобретя уже к тому времени некоторую репутацию как специалиста по сложным уголовно-розыскным делам, я предполагал, что Петербург привлечет меня к розыску убийц Ющинского. Но прошло несколько месяцев, и никто не обращался за моей помощью.

Текли дни, и, судя по газетным сведениям, киевский клубок не только не распутывался, но появлялись на нем все новые и новые узлы. Однако по чисто профессиональным побуждениям я интересовался этим делом, и, желая быть, по возможности, в курсе, я решил отправить в Киев своего чиновника Ксаверьева, строго приказав ему не выступать официально, а собирать сведения возможно конспиративнее. А для оправдания его поездки и для общения с местными ро-

зыскными органами ему было дано мною официальное поручение по делу о поддельных сторублевках, наводнивших в то время Россию, в том числе и Киев.

Между тем истинная цель предстоящей поездки Ксавьева стала известной. Вывожу я это из следующего: как-то я ужинал у Яра и сидел в общей зале. Подходит ко мне метрдотель и осторожно заявляет: «С Вами просит разрешения познакомиться Влас Михайлович Дорошевич. Вон они сидят за тем столиком». Я по «Русскому слову» хорошо знал имя Дорошевича и охотно изъявил свое согласие на знакомство. И вскоре к моему столику подошел тучный Дорошевич, представился и по моему приглашению сел. Он тотчас же заговорил о деле Ющинского, любезно выражая свое удивление тем, что дело это не поручено мне. Я предложил ему выпить стакан вина, сказав, что здесь не место для служебных разговоров и что если он хочет поговорить со мной об Ющинском, то пусть пожелает в сыскную полицию хотя бы завтра. И я назначил ему час. Придя ко мне на следующий день, Дорошевич пытался меня интервьюировать, но я заявил ему, что мнения определенного по этому делу не имею пока. Затем Дорошевич прямо обратился с просьбой: «Говорят, что Вы на днях посылаете в Киев Вашего чиновника, так, будьте добры, не откажите мне и „Русскому слову“ в большой просьбе. Наша редакция хочет послать в Киев своего сотрудника Падашевского (псевдоним его П. Ашевский). Так вот, быть может, Вы разрешите ему войти в Киев в кон-

такт с Вашим чиновником, дабы черпать от него сведения для нашей газеты». — «Видите ли, — отвечал я ему, — я стою в стороне от дела Ющинского, и если и отправляю чиновника в Киев, то по делу о фальшивых сторублевках, впрочем, если мой чиновник сможет быть чем-либо полезен Вашему сотруднику, то я буду этому рад. Быть может, частным образом ему и удастся кое-что услышать от своих киевских товарищей по делу Ющинского». Дорошевич меня поблагодарил, и мы с ним расстались. И действительно, Падашевский выехал чуть ли не одновременно с Ксаверьевым и, получая от последнего кое-какие сведения, сообщал их в «Русское слово». Эта комбинация не особенно меня устраивала, но волей-неволей пришлось на нее пойти, так как начальнику сыскной полиции чрезвычайно важно поддерживать хорошие отношения с прессой.

Несколько месяцев пробыл Ксаверьев в командировке и, вернувшись из нее, привез мне удручающие сведения. Действуя неофициально, он не сумел, конечно, пролить свет на это сложнейшее дело, но из наблюдений своих он вынес впечатление, что все крайне запутанно, следствие сбито с толку, часть свидетелей подкуплена и ряд вещественных доказательств подброшен. По словам Ксаверьева, выходило, что если еврейство и мобилизовало капитал и любой ценой готово было откупиться от заводимого на него обвинения, то и правительство, со своей стороны, не оставалось безучастным, беспристрастным зрителем перед разворачивающимися

событиями. Весь город как бы поделился на две враждующие части. На улицах и в городских садах чуть ли не единая тема разговоров – убийство Ющинского. Часто происходили перебранки, иной раз дело доходило до рукопашных схваток. Весьма характерно, что Ксаверьеву пришлось однажды на Крещатике во время очередного спора двух групп услышать возглас: «Подожди, жидовье, уж наш Кассо вам покажет». Ксаверьев неоднократно в Киеве слышал, как упоминалось имя министра народного просвещения, уроженца местного края и крупного бессарабского помещика. По городу ходили слухи об отправке правыми организациями каких-то тайных курьеров к Кассо и о живейшем интересе, проявляемом этим последним к делу Ющинского.

Прошли еще месяцы, и неразбериха усиливалась. Местный начальник сыскного отделения Мищук попал под суд и был заменен Красовским. Следователя по важнейшим делам Фененко сменил другой следователь. Следствие направлялось то по одним, то по другим следам, то было уже закончено, то опять направлялось к исследованию.

Если в начале этого дела я и был несколько удивлен непривлечением меня к нему, то теперь этому радовался. Ведь возмись я сейчас за него – и какой тупик: не обнаружу я в нем признаков ритуала, и черносотенные круги завопят о том, что я подкуплен евреями, и наоборот – пойди я по пути ритуала, и какая будет травля в прессе с попытками изобличить меня в угодливости, карьеризме и подлизывании к на-

чальству.

Таким образом, я перестал думать об этом деле, считая, что чаша сия меня миновала. Время летело быстро, так как Москва, этот миллионный город, беспрестанно выбрасывал на поверхность жизни убийц, воров, мошенников, шантажистов и прочую накипь столичных подонков, и, таким образом, дела мне было всегда более чем достаточно. Об убийстве Ющинского, вернее, о ходе следствия я знал теперь не более рядового москвича, ежедневно читающего газеты. Из них мне было известно, что Бейлис, заподозренный в убийстве, продолжает сидеть в предварительном заключении, что заведующий полицейским розыском Красовский, подобно Мищуку, оказался, видимо, тоже не на высоте. А новый руководитель дознания жандармский подполковник Иванов, отбросив многочисленные версии об убийстве, упорно видит его целью ритуал и сообразно с этим направляет дознание.

Как-то летом 1913 г., то есть за несколько месяцев до судебного разбирательства «дела Бейлиса», звонит мне по телефону из Петербурга директор департамента полиции С. П. Белецкий, предлагая немедленно прибыть по делам службы в столицу. По каким делам – мне Белецкий не сказал, заявив лишь о желательности моего скорейшего приезда. В эту же ночь я выехал из Москвы, утром прибыл в Петербург и уже днем был у Белецкого. И тут директор сделал вид, что не знает причины моего вызова, но таково было настоятельное желание министра юстиции Щегловитова, к каковому он и

рекомендовал мне немедленно явиться. Я сослался на усталость, прося отложить мой визит до завтра. Белецкий тут же позвонил Щегловитову, и прием мне был назначен на завтра в десять часов утра. Я решительно недоумевал: чего хочет от меня Щегловитов? Мысль о киевском убийстве не приходила мне на ум, так как следствие по нему велось уже два с лишним года без какого-либо моего участия и, как говорили, к тому времени было чуть ли не закончено.

Не скрою своего волнения. Образ министра тревожил меня. Репутация Щегловитова была определенной: крайне властный, упорный в своих устремлениях, суровый, он имел обыкновение напролом продвигаться к своей цели, мало считаясь даже с определенно установившимися судопроизводственными принципами. Так, несменяемость судей ведала довольно частые исключения под давлением этого генерал-прокурора. Я старательно перебирал в уме все более или менее громкие дела и преступления, над раскрытием которых мне приходилось работать в последнее время. Но ни одно из них, как мне казалось, не могло возбудить особого любопытства министра юстиции. Между тем вызов меня им было явление совершенно необычное. Я, чиновник Министерства внутренних дел, подчиненный своему министру, зачем так срочно понадобился главе чужого ведомства? Повторяю, я недоумевал.

Ровно в десять часов я был у министра. Приемные покои Щегловитова удивили меня своими размерами и великоле-

нием. Они мало походили на обычные служебные помещения наших министров. Огромный зал для ожидающих посетителей, чуть ли не двухсветный, такой же обширный кабинет, весьма нарядно убранный, где Щегловитов читал лекции по уголовному процессу правоведам университетских классов, большая угловая комната, выходящая из приемной, где мне и пришлось вскоре провести немало часов, – все это было размеров довольно необычных.

Щегловитов не заставил меня ждать и весьма приветливо принял в своем кабинете.

– Я с нетерпением ожидал Вашего приезда, – сказал он мне, – так как хочу Вам поручить весьма ответственную работу. Вы, как я знаю, прекрасно поставили дело розыска в Москве и проявляете в этом отношении своего рода талант. Здесь у меня имеется весь следственный материал по «делу Бейлиса». Ознакомьтесь с ним детально и выявите возможно выпуклее все то, что может послужить к подтверждению наличия ритуала. Я прошу Вас ежедневно с утра являться сюда, и здесь, в соседней комнате, Вам будет подаваться все дело для прочтения и заметок. Пересматривая документы, прошу Вас, будьте осторожны и оставляйте вложенные мною записки между листами на тех местах, где они мною положены. Этот следственный материал я отнюдь не хочу выпускать, хотя бы и на время, дальше этих стен. Вы, конечно, в общих чертах знакомы с «делом Бейлиса»?

– Да, Ваше Высокопревосходительство, но в самых об-

щих. В первый год следствия я посылал даже неофициальным образом своего чиновника в Киев.

– Ну, и каково же ваше мнение?

– У меня осталось впечатление, что дело крайне сложно и запутанно.

– Вот как! Я бы этого не сказал, но, впрочем, ваша задача будет заключаться не столько в критике следствия, сколько в подкреплении доказательств вины Бейлиса и наличия ритуала, в котором я ни минуты не сомневаюсь, хотя бы на основании неопровержимых доводов крупного богословского авторитета ксёндза Пронайтиса, который, по всей вероятности, явится экспертом на процесс и докажет, как я думаю, черным по белому о существовании у евреев ритуала крови.

– Слушаю, Ваше Высокопревосходительство. Я подробнейшим образом ознакомлюсь с материалом и по совести выскажу Вам свое мнение.

Щегловитов приветливо простился со мной, заявив, что с завтрашнего дня я могу приступить к работе.

И вот потекло трудное время. Каждый день к десяти часам я являлся на квартиру министра. Для моей работы была отведена особая комната, смежная с приемной, о которой я уже упоминал: огромный письменный стол с большим ассортиментом всевозможных канцелярских принадлежностей, великолепное кожаное кресло, раскрытый ящик гаванских сигар, тишина, уют – словом, атмосфера вполне подходящая для предстоящего труда. Среди дня мне подавался элегантно

сервированный чай с прихотливыми сэндвичами. По приказанию Щегловитова в мое распоряжение был предоставлен весь материал законченного следствия, и я с головой окунулся в него.

Прежде всего мне захотелось взглянуть на таинственные записочки, о которых упомянул министр. В двух обширных томах я нашел их немало. Конечно, память моя не сохранила содержание всех их, но общий смысл некоторых мне запомнился. В виде примера своими словами передаю, как помню. На одной значилось: «Не был ли Ющинский кем-либо (напр., Чеберяковой) продан Бейлису?» Или: «Кому могла понадобиться не жизнь, а кровь Ющинского?» Целый ряд записочек содержал как бы проект вопросов, каковые подлежит задать экспертам, особенно экспертам-богословам, и т. д. Наличие этих записок заставило меня призадуматься. Ведь следствие было закончено, а потому повлиять на ход его они не могли. Щегловитов, надо думать, делал их в часы ознакомления с доставленным ему уже готовым материалом, но с какой целью?

Ответ невольно напрашивался. Этот «подсобный материал» мог пригодиться либо судье, коему суждено будет составлять обвинительный акт, либо самой судебной коллегии, особенно при выработке ею вопросов экспертам на предстоящем суде. Я, разумеется, не утверждаю, что цель записок была именно таковой. Быть может, Щегловитов просто оставлял памятки лично для себя, но последнее предполо-

жение мне кажется менее вероятным, так как «делом Бейлиса» министр интересовался в достаточной степени и вряд ли нуждался в каких-либо шпаргалках. Правда, против первого предположения имелись тоже возражения: казалось странным, чтобы Щегловитов дал в руки будущим судьям, так сказать, письменные доказательства своего явного вмешательства в дело, но Щегловитов был мужчиной решительным, упорно гнувшим свою политическую линию, мало считаясь с общественным мнением, впрочем, к тому времени уже определенно для него неблагоприятным. Ведь не задумался же он предоставить эти компрометирующие записки в мое распоряжение. Я же ему был мало знаком. Вот почему он мог бы не постесняться и предоставить этот же материал трем-четырем будущим киевским судьям, тем более что и выбор этих судей в немалой степени зависел от него самого. Итак, покончив с записками, я принялся за следственный материал.

Я глотал протоколы, донесения, письма, свидетельские показания и прочие документы по этому обширнейшему делу, делая на особой тетради мои пометки. Я истратил на эту работу около месяца и написал министру подробный доклад.

Теперь прошло пятнадцать лет с того времени. Некоторые подробности выветрились из памяти моей, вот почему я не пытаюсь детально знакомить читателя со всеми перипетиями этого процесса, да это и ни к чему, так как, во-первых, по этому делу имеется и без меня целая литература, а во-

вторых, цель, мной преследуемая в этом очерке, заключается не в пересказе самого течения процесса, а в доказательстве необоснованности и бессмысленности решения присяжных заседателей.

Напомню в самых кратких, в самых беглых чертах, как велось следствие по этому делу.

Двадцатого марта 1911 г. на окраине города Киева, в усадьбе Бернера, близ кирпичного завода Зайцева, в одной из находящихся там неглубоких пещер, отстоящей в 150–200 саж. от Нагорной улицы, был обнаружен труп мальчика лет тринадцати-четырнадцати, оказавшегося внебрачным сыном мещанки Александры Приходько, Андреем Ющинским, учеником приготовительного класса Киево-Софийского духовного училища. Труп находился в сидячем положении, упиравшись спиной и головой в одну стенку пещеры и раздвинутыми в коленях ногами в другую. Руки были отогнуты назад и связаны в кистях бечевкой. На теле рубашка, кальсоны и один носок, другой валялся невдалеке, равно как фуражка, куртка и кушак. Над головой в углублении стены воткнуто трубкой пять свернутых тетрадей. На белье сравнительно незначительное количество крови. На трупе имелось около пятидесяти колотых и резаных ран, но в пещере следов крови обнаружено не было.

Основываясь на данных вскрытия вместе с результатами осмотра белья, куртки и фуражки Ющинского, а также пещеры, где был найден труп, врачи-эксперты, профессор Ки-

евского университета по кафедре судебной медицины Оболонский и прозектор по той же кафедре Туфанов, пришли к заключению, что смерть последовала от острого малокровия и асфикции ввиду огромной потери крови и недостатка доступа воздуха через воздухоносные пути. Главная масса крови вытекла через мозговую вену, артерию у левого виска и вены на шее. Большинство ран на голове (семь в теменной кости, тринадцать в правый висок, одна в левый) и десять в шею были нанесены колющим оружием, часть из них поверхностны, другие глубокие, но ни одной смертельной. Остальные раны были нанесены в туловище, причем были задеты правая почка, легкое и сердце. Потеря крови от полученных повреждений была настолько значительна, что тело оказалось почти обескровленным. Количество и характер ран свидетельствуют о желании нанести жертве мучения. Орудием причинения повреждений было нечто вроде шайки или стилета. Первые удары Ющинскому были нанесены в голову и шею, последние – в сердце. Участников убийства было несколько. Отсутствие крови в пещере, положение тела убитого и наличие глины и сухих листьев, приставших к кальсонам сзади, указывают на то, что Ющинский был убит в другом месте, а затем перенесен в состоянии трупного окоченения в пещеру, поставлен у стены и постепенно оседал, когда окоченение начало проходить.

Спрошенный по тому же вопросу профессор Косоротов подтвердил мнение вышеприведенных экспертов, разойдясь

с ними, однако, в вопросе о предумышленном мучительстве. Будь оно налицо, говорил Косоротов, ранения имелись бы в наиболее болезненных местах тела, например под ногтями.

По надписям на тетрадах, а также и на внутренней стороне кушака было тотчас же установлено имя жертвы.

До мая месяца 1910 г. Ющинский жил с матерью и отчимом Лукою Приходько в Киеве, в части города, именуемой Лукьяновкой, где находилась усадьба Бернера, затем переселился в слободку по ту сторону Днепра под самым Киевом, туда же переехали его бабушка Олимпиада Нежинская и тетка Наталья Ющинская. Андрей часто у них бывал. Состоя учеником Киевского духовного училища, Ющинский ежедневно бывал в Киеве и нередко заходил на Лукьяновку повидаться с прежними друзьями, особенно с Женей Чебеляковым. Двенадцатого марта Андрей, как и всегда, встал в шесть часов утра, съел тарелку постного борща и отправился в школу. У днепровского моста и в слободке его видели в это утро некие Пушка. Однако в этот день в школе он не был. К ночи домой не вернулся, и мать предположила, что сын ночевал в городе у родных. Однако и на следующий день Андрей не явился, и встревоженная мать (Приходько) кинулась на поиски. Не найдя сына, заявила о том начальству духовного училища и поместила извещение об исчезновении его в местной газете «Киевская мысль». Несколько дней Ющинский не находился, и наконец его мертвое тело было обнаружено в пещере. При вскрытии трупа в желудке его оказался

все тот же постный борщ с кусками непереваренного картофеля, что, по мнению производивших вскрытие, доказывало, что смерть наступила не позднее как через три-четыре часа после принятия пищи.

Будь все это дело предоставлено естественному ходу судебного следствия, надо думать, что как убийцы, так и мотивы, руководившие ими, были бы обнаружены. Но дело Ющинского сразу потекло необычным порядком. Лишь только тело Андрюши было найдено, как немедленно расползлись по городу сначала неуверенные слухи, а затем и клятвенные уверения, что Ющинский пал под ударами евреев, жаждущих христианской крови. Уже в день похорон Ющинского, то есть на свежей могиле его, равно как и по всему городу, разбрасывались сотни печатных прокламаций ультрапогромного содержания, призывающих к кровавой мести по отношению к евреям за смерть замученного ими младенца.

Неудивительно, что подобная пропаганда всколыхнула еврейство. Помня ужасы недавних погромов и страшась их кошмарных повторений, евреи напрягли все свои силы не только для того, чтобы доказать свою непричастность к смерти Ющинского, но и для обнаружения истинных убийц. Правда, попытки их оказались безуспешными – убийца не был найден. Быть может, вследствие паники, ими овладевшей и заставившей их выказать в этом деле усердия не в меру, они не только не разъяснили дела, но и затемнили

его множеством разнообразных версий, десятками ненужных свидетелей и т. п. Эти напуганные насмерть люди судорожно хватались за все, что могло доказать их невиновность и отвести от них надвигающуюся бурю, причем ради спасения своего они не брезговали никакими средствами.

Первым добровольным радетелем еврейских интересов явился Борщевский, сотрудник «Киевской мысли». Придя к судебному следователю 22 марта, он заявил, что Приходько, помещавшая публикацию о пропаже сына, вела себя в конторе газеты весьма странно: улыбалась, шутила и вовсе не казалась огорченной. Это заявление Борщевского было вскоре опровергнуто рядом свидетелей, показавших обратное. Тем не менее начальник Киевского сыскного отделения Мишук арестовал мужа и жену Приходько и произвел на их квартире обыск. Обыск ничего не дал. Приходьки через неделю были освобождены.

В мае месяце к следователю добровольно явился второй сотрудник «Киевской мысли» Ордынский и, ссылаясь на ряд свидетелей, главным образом на некую прачку Ольгу Симоненкову, рассказал, что в день убийства видели на днепровской набережной обоих Приходько с каким-то тяжелым мешком. Указанные Ордынским лица были допрошены, и прачка Симоненкова передала, что слышала от людей на базаре, будто Приходько нанимали извозчика, грузили на него тяжелый мешок и перевезли свою тяжесть из слободки в город. По тем же темным слухам, народная молва обвиняла

обоих Приходько в убийстве Ющинского с целью воспользоваться двумя тысячами рублей, положенными якобы на его имя его отцом Чирковым, жившим в незаконном браке с Ал. Приходько, носившей в ту пору фамилию Ющинской. Чирков несколько лет уже как бросил Приходько и своего незаконного сына. Все эти слухи были проверены, и таинственная посадка с мешком никем не была доказана, равно как и денег, якобы положенных на имя Андрея, не оказалось.

К этим опровергнутым версиям вскоре присоединилась еще новая. Заговорили о том, что Ющинский стал жертвой Чеберяковой (матери его приятеля Жени), личности крайне темной, постоянно общавшейся с профессиональными ворами и мошенниками. Эта теплая компания будто бы и убила Андрея с целью устранить опасного свидетеля их преступной деятельности. Вскоре и эта версия была изменена, по крайней мере, мотивы, якобы побудившие Чеберякову с ворами убить Ющинского, выставлялись иными, а именно: инсценировать ритуальное убийство, вызвать этим еврейский погром и, воспользовавшись паникой, пограбить.

Но на этом не кончилось, и бывший еврей Брейтман, издатель «Последних новостей», указал на цыган, которым кровь Ющинского будто бы понадобилась вследствие существующего у них, по его словам, поверья в целебном свойстве крови.

Если еврейство и порождало все новые и новые версии, отводящие следствие от мысли о ритуале, то черно-сотенно

настроенная киевская молодежь, желающая верить в наличие в этом деле ритуала, в свою очередь, делала все, чтобы направить следствие по желаемому для нее пути.

Мишук, с места в карьер попавший в обработку сотрудников «Киевской мысли», принялся действовать по их указке: он арестовывал и явно неповинных Приходько и с жаром ухватился за версию об убийстве ворами с целью устранения опасного свидетеля. Мишук в этом отношении лез из кожи, переусердствовал и, будучи уже отстраненным от заведывания полицейским розыском, но стремясь доказать вину Чеберяковой, подбросил мнимые вещественные доказательства, влопался с этим и, будучи судим Судебной палатой, был лишен особых прав и преимуществ. Его сменил Красовский, потянувший сначала следствие в противоположную сторону. Красовский стал чутко прислушиваться к тому, что говорилось в правых кругах Киева, и обратил свое сугубое внимание на завод Зайцева на Лукьяновке. Он заявил на следствии, что некий Шаховской видел в день убийства, как Мендель Бейлис, местный служащий кирпичного завода Зайцева, спугнул с мяла детей: Чеберяковых, Ющинского и других. Красовский с одним из приставов в июле месяце произвел обыск у Бейлиса. И хотя обыск ничего не дал, но тем не менее жандармские власти Бейлиса арестовали, причем Красовский тут же выразил уверенность и в виновности Бейлиса, и в наличии ритуала. После ареста Бейлиса Красовский совершенно неожиданно изменил свою точку зрения и круто

повернул полицейский розыск вновь на Чеберякову, каковая была арестована 1 августа. Когда мать находилась в тюрьме, заболели и вскоре умерли ее дети, Женя и Валя. Красовский пытался объяснить смерть детей отравлением, инсинуируя вину матери.

Поведение Красовского в этом отношении вообще странно. Вскрытие обнаружило, что дети умерли от дизентерии, между тем эпидемии этой в те дни в Киеве не было. С другой стороны, экспертиза выразила предположение о возможности нахождения дизентерийных бацилл в конфетах, съеденных детьми. Конфеты же и пирожные, как известно, были принесены им Красовским. Этот кошмарный вопрос так и остался невыясненным. Быть может, Красовский и неповинен, но не следует забывать, что умершие дети могли явиться опасными свидетелями против Бейлиса, что вовсе не входило в планы изменившего к этому времени фронт Красовского. Не менее странно было поведение и самой Чеберяковой. Для чего ей было мешать умирающему сыну раскрыть душу на исповеди перед священником? Ведь если бы Женя назвал Бейлиса, то этим самым он снял бы подозрение с матери. Очевидно, Чеберякова боялась иных признаний. Этот крайне важный вопрос также не был в должной мере освещен.

Предварительное следствие по делу Ющинского было закончено 5 января 1912 г. и вместе с составленным 10 января обвинительным актом о Бейлисе получило дальнейшее движение. А 18-го того же января к прокурору Киевского

окружного суда поступило заявление по этому делу от сотрудника газеты «Русское слово» и «Киевская мысль» Бразуль-Брушковского. Он якобы с самого начала следил за делом Ющинского и, указывая на целый ряд лиц и подробностей, полагает, что Ющинский убит шайкой преступников (называет фамилии), возглавляемой будто бы отчимом Андрюши – Приходько – из опасения, что мальчик их выдаст властям, а для направления следствия по ложному пути ими инсценировано ритуальное убийство. От этого заявления Бразуль вскоре отказался, заявив, что сделал его из «тактических» соображений, желая внести раздор в среду преступников. Но 6 мая тот же Бразуль сделал уже письменное заявление заведующему в это время производством розысков об убийстве Ющинского, жандармскому подполковнику Иванову, о том, что Ющинский убит опять-таки ворами, но на этот раз называет новые фамилии, и в первую очередь Веру Чеберякову. Вместе с тем в этом заявлении Бразуль приводит множество подробностей, ссылаясь на ряд свидетелей, указывает целый ряд существенных обстоятельств, в результате чего законченное следствие возобновляется, а срок, уже назначенный для слушания «дела Бейлиса», то есть 17 мая 1912 г., откладывается на неопределенное время. Из дополнительного следствия выяснилось, что Бразуль собирал свои сведения, пользуясь услугами Выгранова, Красовского, Махалина и Караева – лиц, мало внушающих, в общем, доверия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.